

Сергей Польской

## «Истязание по натуральной правде»:

Легитимация насилия и становление рационального  
политического языка в России XVIII века\*

4 августа 1762 года Франсуа Пьер Пикте адресовал Вольтеру пространное письмо, в котором не только подробно описал случившийся незадолго до этого в Петербурге переворот, но и задался вопросом: «Имеет ли Нация право распоряжаться престолом?» Можно предполагать, что за этим текстом стояла сама императрица<sup>1</sup>. Вольтер хорошо понимал, что от него хотел его женеvский знакомый, и уже через три месяца это письмо было анонимно напечатано в «Journal encyclopédique». Среди прочего рассуждая о причинах «революции» в России, Пикте писал:

Soiés sûr, Monsier, que ce n'est point L'Impératrice qui a cherché le trône, qu'en y montant elle n'a fait que céder au voeu général de la Nation, et qu'elle ne s'y est déterminée que pour sauve la Russie des maux aux quels elle sembloit destinée; mais La Nation étoit-elle en droit de disposer du Trône? Cette Question, qui paroitra peut être délicate, ne me le paroît point de tout. Il est certain que le Gouvernement de cet Empire est Despotique, qu'on n'y connoit ni Loix fondamentales, ni Contract qui lie réciproquement le souverain et le sujet; que les Empereurs ont le Droit

\* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2017 году.

1. О П. Ф. Пикте см.: [Hans 1958; Gorbatov 2006: 76]. Содержанием письма был крайне возмущен канцлер М. И. Воронцов, который в письме племяннику специально отмечал: «...Он хотел сим письмом себя произвести, ибо мне сказано, якобы под видом тайности оное поднесено было Ея императорскому величеству, может быть в надежде получить какое либо награждение» [АКВ 1872: 105]. Пикте действительно угодили императрице и стал ее доверенным лицом, в частности именно он организовал ее переписку с Вольтером.

de disposer du Trône par le Testament, et qu'ainsi il semble d'abord que quelque soit le souverain reconnu pour successeur, le Peuple doit lui obéir en silence et respecte ses Volontés, et ses Caprices. Mais s'il existe un Droit naturel, il est obligatoire pour tous les hommes, et indépendant de tout Etablissement humain, et ce Droit, je le demande, s'il oblige le sujet à être fidelle à son Maître, n'oblige t'il pas aussi le souverain à protéger le sujet et à lui rendre justice; et si le souverain manque à toutes ses Obligations, le sujet ne devient-il pas par Cela même libre des siennes<sup>1</sup>.

Для Пикте само наличие «естественного права» (Droit naturel) становится основанием для смещения любой «нацией» своего правителя<sup>2</sup>. Практически вторит женевцу Пикте и русский корреспондент Вольтера — Иван Иванович Шувалов, который чуть ранее писал «фернейскому патриарху» о том же праве

1. «Уверяю Вас, милостивый государь, что Императрица вовсе не искала престола, она взошла на него, токмо уступая общему желанию Нации, и лишь для того, чтобы спасти Россию от зол, каковы, казалось, были ей приуготовлены; но имеет ли Нация право распоряжаться престолом? Сей вопрос может казаться сложным, но, по мне, он таковым вовсе не является. Несомненно, то, что правление сей Империи является Деспотическим, здесь не известны ни Фундаментальные законы, ни Договор, который взаимно бы связывал суверена и подданного; императоры имеют право распоряжаться троном по завещанию, и поэтому с первого взгляда кажется, что независимо от того, кого государь признает своим преемником, народ должен молча подчиняться оному и уважать его Волю и его Капризы. Однако если существует Естественное право, оно является обязательным для всех, и оно независимо от всех человеческих Установлений, и это Право, задаюсь я вопросом, если оно обязует подданного быть верным своему Господину, не обязует ли оно также и суверена защищать подданного и хранить справедливость, и если суверен не может исполнять своих обязательств, разве тогда подданный не становится свободным от своих?» (François Pierre Pictet — Voltaire. 4 (15) aoust 1762 [Voltaire's Correspondence 1959: 189]). В «Journal encyclopédique» письмо *sembloit destinée* было добавлено «& la préserver d'un flux de sang inévitable», а вот после слов «respecte ses volontés» весь текст о праве на неповиновение подданных был удален, как считает Н. Хэнс, из-за того что Вольтер опознал здесь идеи Руссо (см.: Journal encyclopédique. 1762. Novembre. P. 123). Однако «Общественный договор» Руссо был опубликован только в марте 1762 года, и неизвестно, знал ли о нем Пикте, покинувший Женеву ради Петербурга в 1761-м. Зато адвокат Пикте точно должны были быть известны трактаты его соотечественников Бурламаки и де Ваттеля, где этот вопрос затрагивался и решался в схожем ключе.
2. О понятии «нация» в XVIII веке см.: [Guiomar 1990; Slimani 2004; Миллер 2016].

нации, причем, как ни парадоксально, он возводил это «пробуждение нации» к заслугам Петра Великого:

A qui en est-elle redevable, qu'à Pierre le Grand notre Héros? C'est lui qui, la tirant de la Barbarie, l'instruisit à connaître les loix de souverains et des peuples. Jalouse du Bien de la Patrie, elle entreprit tout pour faire jouir de ses droits. Voilà Monsieur une vertu, dont on privait la constitution de notre Gouvernement, et qu'on n'accordait qu'aux Républiques. S'il est permis de bien penser, partout, il l'est de même d'agir, du moins à certaines égards<sup>1</sup>.

Шувалов, как и Пикте, рассматривает случившийся переворот исключительно в светских политических терминах, не упоминая ни божественное право, ни право наследования. Только право «нации», основанное на «естественном законе», становится легитимным обоснованием для отстранения законного императора. Шувалов отчасти прав, когда говорит о Петре Великом как о «первопричине» случившегося: при нем «нация» действительно узнала о «правах суверенов и народа» и именно благодаря ему российское самодержавие включило доктрину естественного права («натуральной правды») в официальный дискурс власти.

Дело царевича Алексея, разрешившееся 25 июня 1718 года беспрецедентным в российской истории манифестом, излагавшим «вины» и содержащим «допросные речи» законного наследника престола, привело Петра I к изданию «Устава о наследии престола» 5 февраля 1722 года. Его объяснительная часть — первый русский политический трактат «Правда воли монаршей» (цит. по: [Правда воли монаршей 1722]) — вводит в языковое поле российской политики понятия «общественный договор» и «государственный интерес», апеллируя к теории естественного права. «Верховники» в 1730 году, решая

1. «Но кому она [Нация] обязана, как не нашему герою Петру Великому? Это он извлек ее из Варварства, обучил знанию законов суверенов и народов. Ревностная к благу Отечества, она предприняла все возможное, дабы наслаждаться своими правами. Вот, милостивый государь, добродетель, в каковой отказывают конституции нашего правления, предоставляя оную токмо республикам. Но ежели так позволено мыслить повсюду, то, значит, можно действовать подобным образом, по крайней мере в некоторых обстоятельствах» (Ivanovich Shuvalov — Voltaire. 9 Juillèt 1762 [Voltaire's Correspondence 1959: 124]).

династическую проблему и пытаюсь отказаться от нелегитимного акта 1722 года, возвращаются к средневековой практике *божественного и народного избрания*, но обосновывают это избрание и ограничивают волю избранного монарха в терминах договорных концепций Г. Гроция, С. фон Пуфендорфа и Дж. Локка.

Моя гипотеза состоит в том, что ключевые политические тексты русского XVIII века, претендующие на «трактатное» изложение политической доктрины, — «Правда воли монаршей» (1722) и «Наказ» (1767) — были порождены схожими ситуациями — насильственными действиями против легитимного порядка: устранением законного наследника престола или монарха, которым ранее присягали подданные. Их создатели пытались преодолеть ситуацию иллегального политического действия, установив новый «законный» порядок и подробно его обосновав. Само по себе подобное действие требовало пересмотра традиции, создания нового языка и понятийного аппарата, который трудно было бы обнаружить в религиозной политической традиции русского Средневековья. Поэтому в обоих случаях законодатель обращался к европейской политической мысли и использовал ее для конструирования новой политической легитимности. Фактически и в том и в другом случае это вело к становлению и развитию светского «рационального» политического языка, в рамках которого можно было принять или оспорить аргументы и логику законодателя, дополнить или домыслить ее на основе «натурального разума». В свою очередь, это порождало альтернативные политические проекты, осуждавшие саму возможность политического произвола и требовавшие утверждения «законных» ограничений для властителя, которые связали бы его обязательствами с подданными.

Политический язык «революции» 1762 года полностью отрицал идеи петровских актов о «наследии». Низложение внука Петра I нашло оправдание в пространном манифесте от 6 июля 1762 года, завершавшемся «наиторжественнейшим» обещанием узурпировавшей престол императрицы «узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезнейшего нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои

пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка» [Манифесты 1869: 216]. Это обещание было специально повторено в преамбуле манифеста от 14 декабря 1766 года о создании Уложенной комиссии и порядке выборов в нее [ПСЗРИ 1830, XVII: 1092 (№ 12801)]<sup>1</sup>. Манифесты 1762-го и 1766 годов, как и подготовленный для Уложенной комиссии «Наказ», активно использовали понятия естественного права, но по сравнению с Уставом 1722 года шли гораздо дальше, расширяя политическую проблематику и переосмысляя монархический дискурс Монтескье для конструирования новой российской политической «реальности». Вводимый ими конструкт «закономерной монархии» (*monarchie tempérée*), воплощенный в «Наказе», продолжал оказывать решающее влияние на официальную риторику вплоть до середины XIX века, вызывая к жизни критические и альтернативные дискурсы в российской общественной мысли.

Общим местом в историографии стало утверждение, что в России XVIII века зарождается рациональный и светский политический язык. Очевидно, однако, что религиозная риторика не исчезла и активно использовалась в официальном дискурсе власти, но зачем понадобилась также и рационалистическая трактовка монархии в XVIII веке, а вместе с ней новый язык и новый понятийный аппарат? Нуждался ли «абсолютизм», если он когда-либо существовал [Bushkovitch 2012], в рациональном обосновании? Как формируется это новое дискурсивное поле и на каком интеллектуальном основании? Почему Феофан стремится объяснить «неразумным» политические истины? Было ли причиной тому несовпадение традиционных объяснительных моделей с новой реальностью? Или подданные тоже пережили интеллектуальную трансформацию сознания в «преображенном царстве»? Кому прежде всего была адресована официальная правительственная речь? Дать ответы на вышеперечисленные вопросы можно, лишь поместив известные тексты в языковой и понятийный контекст

1. «Ныне истекает пятый год, как Бог един и любезное отечество чрез избранных своих вручил Нам скипетр сея Державы для спасения Империи от очевидной гибели. Мы со дня возшествия Нашего на Престол до сего дня единственный предмет имели, и пред самим Богом обязанными себя почитали исполнить то, что Мы в Манифесте 6 дня Июля 1762 года Императорским Нашим словом наиторжественнейше обещали...»

эпохи, выявив аргументацию авторов и распознав в нюансах полемики употребляемые ими европейские концепты.

Основная проблема нашего исследования — происхождение и становление секулярного рационального дискурса в официальном языке российской власти в XVIII веке. В рамках настоящей статьи мы остановимся, во-первых, на том, каким образом происходит дискурсивное преодоление кризиса легитимности, порожденного насильственными действиями власти в отношении наследника престола; во-вторых, на том, как решается проблема принадлежности власти и ее преемственности в рамках политического языка 1720–1760-х годов. Кризис 1718 года, вызвав к жизни целый ряд проблем, которые невозможно было решить, опираясь на старые практики легитимации, стал, таким образом, ключевым для политической мысли XVIII века. Продуктивным ходом представляется сравнение теоретических обоснований, с помощью которых этот кризис преодолевался в 1722 году, и легитимации низложения монарха в 1762-м. Это позволит установить, почему через сорок лет понадобились существенные изменения в новом политическом языке российской монархии.

### **«Сколь далеко обладательская власть распространяется...»**

В августе 1718 года европейские газеты с ужасом писали о гибели «московского Царевича» от рук своего отца. Так, журнал «Меркурий исторический и политический», сравнивая деяние Петра с историей Филиппа II и Дона Карлоса, утверждал: «...Il faut convenir qu'une pareille action doit faire horreur aux Siècles à venir» [Mercure 1718: 165]. Маркиз Данжо отметил в своем дневнике 3 августа, что новость о смерти Алексея Петровича стала главной темой для разговоров в Версале и Париже<sup>1</sup>. 27 августа мать регента, герцогиня Елизавета-Шарлотта Орлеанская обсуждала в письме к графине Пфальцской «tragique aventure vom czaarewitz» и утверждала: «Man hatt viel in den Zeittungen,

1. «La nouvelle de la mort du czarewitz fera fort discourir; et le czar, qui l'a prévu, songe à en effacer tous les soupçons» [Journal 1859: 352].